

А.В.ЧИЧЕРИН

**РИТМ
ОБРАЗА**

•
*Стилистические
проблемы*

Советский писатель

Москва 1978



ОБРАЗ
ВРЕМЕНИ
В ЛИРИКЕ
ПУШКИНА



В стихотворении «Я помню чудное мгновенье» — шесть строф, двадцать четыре строки четырех-стопного ямба. В них — отчетливо расчлененные пять временных периодов, то более, то менее длительных, каждый со своим жизненным ритмом. В первом четверостишии — блеснувшая молния. Временной знак этой строфы в эпитете «мимолетное», ритмически убыстренном пиррихием.

В этом первом четверостишии — во взаимном сопротивлении «мимолетное виденье» и «гений чистой красоты». В мгновенной молнии открылось что-то в высшей степени устойчивое, вне времени стоящее — способное утвердиться в сердце навеки. Осветить целую жизнь.

Внутренний ритм второй строфы совсем иной. Его временной знак в слове «долго». В нем не столько временной объем, сколько его наполненность тревогами «шумной суеты». Сквозь заглушающие шумы, сквозь мелькание разных лиц «звучал» голос, «снились милые черты».

Третья строфа начата с временного знака: «Шли го-

ды». Годы берут свое. Во второй строфе «гений» в душе поэта одолевал и безнадежную грусть и суету. В третьей его одолевают годы, порывы мятежных бурь, суета одолевает:

И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

Эпитет последней приведенной мною строки — банальный комплимент, но в этом эпитете, как и во всем стихотворении, в конкретной любовной обращенности, которую напрасно пробовали вытеснить¹, другая обращенность — к «гению чистой красоты» как источнику поэтического вдохновения, ясности и света. «И я забыл...» означает величайшую утрату, опустошенность творческого духа.

Поэтому первое слово четвертой строфы «В глуши...». И еще сильнее — «...во мраке заточенья». Намек на годы изгнания, которые, впрочем, еще не закончились, когда стихи были поднесены адресату. Но суть не в этом намеке. В этих метафорах — крайняя степень *утраты* — глухота и слепота духа. Временной ритм: много ли, мало ли было дней, месяцев или лет, но они «Тянулись тихо...». В пустыне и три версты сойдут за триста верст:

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Пять отрицательных предлогов, выметающих все без остатка, заглушающих и мертвящих. В этом крайнем па-

¹ Соглашаясь с А. И. Белецким в том, что в этом стихотворении любовная тема «явно подчинена другой философско-психологической» (О. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 4. Київ, 1966, стор. 156), нельзя не отметить, что в его статье утрачивается конкретность произведения, срaщенность обеих тем в пользу отвлеченной мысли; это вызвало обоснованное возражение Н. Л. Степанова («Лирика Пушкина». М., 1959, стр. 338—340).

денье — медленное, растянувшееся время начинает замирать, оно того и гляди остановится совершенно.

И вдруг... Даже если бы не было музыки Глинки к этим стихам, невозможно не услышать затухающего и вспыхнувшего аккорда при переходе от четвертой к пятой строфе. «Душе настало пробужденье». Неопределенно долго тянувшееся время оборвалось. Мы вышли из-под его власти. При этом порядок первых двух строк пятой строфы не такой, что «явилась ты» и «настало пробужденье», а наоборот. Стало быть, «пробужденье» возвращает к тем светлым истокам чувства, которые обозначены словами «гений чистой красоты».

Совершенно вне времени, словно утвержденная навеки — шестая строфа.

Итак одна страничка лирики захватывает, словно в обширном романе, смену длительных периодов жизни и выходит за эту сферу в ликующих звуках, о которых уже не скажешь, ни о их «мимолетности», ни о том, что они *тянутся* нестерпимо долго. Знак временного обозначения устранен.

Такое расположение лирического стихотворения во времени для Пушкина характерно. Особенно отчетливый его образчик в «Возрождении», произведении, впервые опубликованном в 1828 году. Биографически, временные просторы у Пушкина, как известно, невелики. Но лирика их раздвигает безмерно. В трех четверостишиях этого стихотворения опущен начальный, отправной пункт, когда гений создавал истинное произведение искусства. Может быть, с тех пор прошли века. И вот:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
На ней бессмысленно чертит.

Оба эпитета, образующие звонкую и сильную рифму, клеймят мертвое, ложное искусство, способное заглушить, зачернить искусство огненное, настоящее. Не прочен, не вечен «рисунок беззаконный», проходят годы, может быть, столетия, и «краски чуждые» «Спадают ветхой чешуей». Что именно имел в виду Пушкин в свое время? В наше время реставрация иконописи, картин постоянно достигает именно такого эффекта.

Но обе первые строфы — метафора. Ее смысл обнаруживается в третьей, заключительной строфе:

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Временной простор в истории искусства расширяет и показывает в истинном виде простор духовной жизни человека. Совершенно безразлично, десятилетия ли, годы ли, месяцы ли, но действующее лицо — *время*, смывающее ложные краски и возрождающее истинные. Выразительны предлоги «С измученной души моей», «И возникают в ней...». То было на поверхности духа, а это внутри его, там хранилось подспудно.

«В часы забав...» — тоже в двадцати строках — смена периодов душевного упадка и возрождения. И то же в последней строфе — ликующие звуки победы огненного и светлого.

Лиризм *времени*, смены событий, быстротечности, невозвратности *былого*, сопоставление во времени многих судеб особенно сказывается в стихах, посвященных 19 октября — лицейским годовщинам.

19 октября 1825 года — «дни бегут», обращение ко многим друзьям отрочества и юности — Корсакову, Матюшкину, Пущину, Горчакову, Дельвигу, Кюхельбекеру

(в черновиках — еще три имени). Соединение прошлого с тем, что сейчас происходит с ними и с автором, два обращения к близкому будущему: «Поговорим о бурных днях Кавказа...» — «Промчится год, и с вами снова я». И вдруг — переход в далекое будущее, к тому лицеисту пушкинского выпуска, кто переживет всех своих сверстников и друзей:

Несчастный друг! среди новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас ..

Три будущих времени в стихах, посвященных прошлому, очень живо рисующих настоящее, необходимы для лирической полноты:

Увы, наш круг час от часу редет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет,
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут. . .

Но в этом временном трагическом многообразии большое значение имеют и выходы из времени:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво. . .

Слова эти вплетены в живую беседу с Дельвигом и Кюхельбекером, в их теперешнюю беседу с ее *постоянным* содержанием, это — композиционная вершина, среди воспоминаний, дружеских приветов и предсказаний.

В стихотворении 1831 года «Чем чаще празднует лицей...» самое существенное для темы времени (вторая строфа) было Пушкиным вычеркнуто, хотя третья строфа со второй связана весьма тесно. В вычеркнутых восьми строках — быстрый полет двух десятилетий, прошедших со дня открытия лицей:

Давно ль, друзья? . . . Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

События и завершение Отечественной войны, революция 1830 года, восстание в Варшаве, освободительная борьба греческого народа, смерти Александра I и Наполеона. Кроме событий 14 декабря 1825 года все важнейшее вошло в «исторический очерк», включенный в небольшое лирическое стихотворение. Отзвук декабрьского восстания и его последствий — в следующей, третьей строфе.

Временной и общественно-исторический простор, расширение лирического чувства вносит эта выброшенная, но вполне созвучная, необходимая в этом стихотворении строфа. В начале третьей строфы — ее поэтический итог:

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались. . .

Державинская тема «Без жалости все смерть разит» — господствующая и многообъемлющая в этих стихах. Не только Наполеон, не только Александр. . . «Шесть мест упрáздненных стоят. . .» (Кстати, это очень много: из небольшой группы лицейстов шестеро не дожили до тридцати лет или едва переступили этот рубеж.) Все стихотворение — Requiem. И Requiem этот обращен не только в прошлое, но и *в будущее*:

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый. . .

Горячая стремительность этих стихов, их радостная сумрачность, их обращенность к узкому кругу друзей и ко всему миру, пересечение в них жизни и смерти, все это не нарушает их цельности, а, напротив, образует монолитность самого высокого плана.

Собранному, сгущенному четырехстопному ямбу этих стихов отчасти противоположен медлительный шестистопный ямб «Осени», написанной в то же время. Но характерно, что «Осень» превращается в стихотворение о четырех временах года. Среди них осень наиболее переходная, быстро ускользящая пора: «...уж роща отряхает последние листья...», все признаки надвигающейся зимы.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса ..

В одиночестве, среди опустевшей, бездеятельной природы яснее ощущается бег времени, то, как «гаснет краткий день», как наступает вечер, как его поглощает ночь. Но и здесь поэт из времени вырывается или находит в нем еще одно: *его* четвертое измерение:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем...
.....
Плывет. Куда ж нам плыть? ..

В лирических стихах, преимущественно посвященных воспоминаниям, обращение к прошлому дается сквозь призму сегодняшних впечатлений и переживаний, почти обязателен и порыв *к будущему*. В грамматических формах все три времени сменяются в стихотворении «Вновь я посетил...»: 1) «Провел два года... Где жил я... Я си-

живал недвижим — и глядел...»; 2) «Оно синее стелется широко... Плывет рыбак и тянет за собой... в гору подымается дорога... три сосны стоят...»; 3) «...не я/ Увижу твой могучий поздний возраст, Когда перерастешь... Услышит... Пройдет... И обо мне вспомнит...»

Движение времени в этих пятидесяти восьми строках плавно, естественно, непрерывно. Полет во времени, совмещение прошлого, настоящего и будущего захватывает очень широкую сферу бытия, не ограниченную личным чувством. Выход в будущее означает *жизнь* «младого, незнакомого» племени и в природе и в людях. Время так же ощутимо, как течение реки, исчезающей на горизонте, но на самом деле и в понимании нашем уносящей свои воды в невидимую даль.

Будущее время — заключительный аккорд многих стихотворений: «И влюблюсь до ноября», «Кто милой деве даст...», «Поверь, мой друг, она придет, Пора унылых сожалений», «Душа поэта встрепенется...», «Вдруг останешься невольной...».

С особенной силой будущее время звучит в глаголах послания в Сибирь: «*Не пропадет* ваш скорбный труд... *Разбудит* бодрость... *Придет* желанная пора... *Дойдут* сквозь мрачные затворы... Оковы тяжкие *падут*, Темницы *рухнут* — и свобода Вас *примет* радостно у входа, И братья меч вам *отдадут*». С каждым четверостишием глаголы будущего времени становятся тверже, увереннее, гуще. Движение стиха — к светлому будущему из сумрачного настоящего: «Сердце в будущем живет...»

Если прошлое и настоящее в лирике больше обозначают личное в жизни человека, то будущее очень часто обращено к судьбам общества, к жизни народа: «...*взойдет* она... Россия *вспрянет* ото сна... *Напишут* наши имена». В этом будущем и мечта о деятельности, о развитии общественной мысли:

Поспорим, перечтем, посудим, поборим,
Вольнолюбивые надежды оживим.

Часто будущее облечено в условную форму повелительного наклонения: «Глаголом жги...», «Как дай вам бог любимой быть другим». Характерна двойная концовка «Для берегов...»: «...Мы вновь, мой друг, соединим», «Но жду его; он за тобой», настоящее время выражает обращенность к далекому, затерянному будущему («Гляжу вперед я без боязни»).

В «Воспоминании» 1828 года и в «Элегии» 1830 года много общего. Это — обращения к прошлому, беспощадно строгий нравственный суд, пересмотр целой жизни: «Мои утраченные годы». Вполне понятно желание поэта оборвать «Воспоминание» на шестнадцатой строке: жажда и лиризм неразлучны. «И с отвращением читая жизнь мою...», нужны ли еще и подробности?

Однако для понимания поэтического мышления Пушкина весьма важно воссоединить представленное им для печати с тем, что осталось в рукописи. Ночью замедляется бег времени: «...влачатся в тишине/ Часы томительного бденья». Особенно нагнетается сознание того, что все происходит сейчас, в течение ночи: «горят во мне», «Мечты кипят...», «Теснится...», «Я трепещу и проклинаю...», «Я вижу...», «Я слышу...», «Я слышу...» И другие глаголы настоящего времени упорно сосредоточивают внимание на этой ночи, на том, что *сейчас* тревожит и ум и сердце.

В этих глаголах настоящего времени страшная живучесть прошлого в настоящем, его неостывающий жар. Но эта сращенность целой жизни с думами одной ночи создает выход из времени: «Две тени милые» — «стерегут... и мстят» и «говорят...». Как укоры совести, они неотступны, незабываемы, они с нами — всегда.

В «Элегии» — «печаль минувших дней» — та же все

крепнущая тревога о безумии прошлого. Уже первая строфа, шесть строк, сочетает это прошлое с теперешним его осознанием и с обращением к будущему:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Вторая строфа, восемь строк, вся обращена к будущему. Четырнадцать строк обнимают прошлое, настоящее и будущее. Сквозь все скорбное, унылое просвечивает надежда на радостное и прекрасное. Гармония поэтического вымысла.

И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Время в ряде лирических произведений Пушкина, как и в лирических строфах «Евгения Онегина», выступает четырехчленно, с обращением к прошлому, настоящему, будущему, с выходом из времени, с пересечением и смешением разных временных групп.

И это образует, наряду с конкретными темами, особую тему лирического восприятия самого времени, лирического прояснения памяти и предвосхищения, свободно движущихся во времени и обладающих даром соединять противоположные его концы.

В лирике Пушкина — одинаково ясное сознание истоков жизни, первых признаков формирования души и ее угасания, смерти. Загадочное стихотворение «В начале жизни. . .», несмотря на его архаический облик, на терцины, обращено к началу, пробуждению чувства, его раздвоению в душе ребенка, образованию внутреннего противоборства. Наоборот, «Брожу ли я. . .» — поэтическое свидетельство величественно спокойной и неотступной мысли о смерти.

В середине, между этими двумя вечно сознаваемыми

крайностями, время постоянно ощущается и как приобретение и как утрата.

Приобретение во времени: «Владею днем моим; с порядком дружен ум;/ Учусь удерживать вниманье долгих дум». Но чаще — расточительная сила времени: «Увы, наш круг час от часу редеет... Мы вянем; дни бегут». «Бегут меняясь наши лета...», «Летят за днями дни, и каждый час уносит/ Частицу бытия...» Последнее выражение особенно удивительно и скорбно.

Жизнь — как постоянная потеря данного человеку времени, трагическая растрата. «Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем». В восьми этих разговорно, обращенно написанных строках — духовно ущербное настоящее и два будущих — мечтаемое и подстерегающее, неизбежное. Во времени, в его власти расщепляется жизнь: суета поработает свободную человеческую душу и только вдали — недостижимое, истинное, желанное:

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Прошлое и будущее всегда *здесь* в лирике Пушкина, они заполняют настоящее и живут в нем. Отдаваясь новым впечатлениям, входя в мастерскую скульптора, среди стольких образов, близких сердцу поэта, как бы совершенно некстати, но из глубины души, роняет поэт такие печальные слова:

Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

(«Художнику»)

Светлый и уверенный оптимизм Пушкина в его обращении к будущему; грустью и любовью овеяна память о прошлом. И это прошлое незабываемо, неизгладимо:

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслью всегдашней
Бродить Тригорского кругом. . .

Жизнь в широком временном просторе, живое и постоянное ощущение бега времени, прошлого, настоящего и будущего не только в жизни человека, но и в жизни общества — ясно выраженное свойство лирики Пушкина. В сознании поэта постоянный образ:

Лихой ямщик, седое время. . .